

РОССИЯ И МИССИЯ МОРГАНА ШУСТЕРА В ИРАН

А. В. Макутчев

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)

Аннотация. Статья посвящена анализу отношения российской дипломатии к пребыванию в Иране в 1911 г. американского финансового советника Морган Шустера. Шустер был приглашен иранским парламентом на завершающей стадии Конституционной революции для восстановления финансовой и налоговой систем государства. Для реализации этих задач Шустер начал проведение независимой политики, вызвавшей негативную реакцию со стороны иностранных держав, в первую очередь России. Шустер инициировал реформы всей финансовой системы Ирана, что неизбежно привело к его вовлечению в политические интриги. Политика Шустера противоречила российским интересам в Иране, которые были закреплены в 1907 г. в соглашении с Англией о разделе Ирана на сферы влияния. Автор анализирует основные мероприятия Шустера, их трактовку в историографии и последствия для истории Ирана, а также роль российской дипломатии в увольнении Шустера. В частности, на основе анализа научной литературы, как отечественной, так и зарубежной, а также воспоминаний Шустера, автор приходит к выводу, что неудачу миссии Шустера предопределило его стремление проводить независимую от России и Англии политику в условиях, когда Иран фактически был полуколонией этих держав: действия Шустера были способны нарушить установленный в 1907 г. паритет держав. В исторической перспективе миссия Шустера лишь стала поводом к вводу иностранных войск в Иран, новому витку внутренней напряженности в стране и фактической утрате Ираном национальной самостоятельности. При этом, по мнению автора, восприятие Шустера как ставленника какой-либо из держав, долгое время господствовавшее в отечественной историографии, является тенденциозным и необоснованным. Отдельное внимание автор уделяет оценке роли российской дипломатии в отставке Шустера – именно позиция России стала причиной досрочного отъезда британца из Ирана. Действия Шустера были способны ослабить российские позиции в регионе, изменив геополитическое соотношение сил.

Ключевые слова: М. Шустер, Иран, «Большая игра», дипломатия, раздел сфер влияния, англо-русское соглашение (1907), меджлис, Конституционная революция (1905-1911).

RUSSIA AND MORGAN SHUSTER'S MISSION IN IRAN

A. V. Makutchev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)

Abstract. The article analyzes the attitude of Russian diplomacy to the stay in Iran of the American financial adviser W. Morgan Shuster in 1911. Shuster was invited by the Iranian Parliament at the final stage of the Constitutional revolution to restore the financial and tax systems of the state. In order to achieve these goals, Shuster launched an independent policy that provoked a negative reaction from foreign powers, primarily Russia. Shuster initiated reforms of the entire financial system of Iran, which inevitably led to his involvement in political intrigues. This policy contradicted Russian interests in Iran, which were enshrined in the agreement of 1907 with Britain about the division of Iran into spheres of influence. The author analyzes the main initiatives of Shuster, their interpretation in historiography and

consequences for the history of Iran, as well as the role of Russian diplomacy in Shuster's dismissal. In particular, based on the analysis of scientific literature, both domestic and foreign, as well as Shuster's memoirs, the author comes to the conclusion that the failure of Shuster's mission was predetermined by his desire to pursue a policy independent of Russia and England in conditions when Iran was actually a semi-colony of these powers: Shuster's actions were capable of violating the sovereignty of the powers established in 1907. In the historical perspective, Schuster's mission only served as a pretext for the introduction of foreign troops into Iran, a new round of internal tension in the country, and the actual loss of Iran's national independence. At the same time, according to the author, the perception of Schuster as a protege of any of the powers that has long dominated Russian historiography is tendentious and unfounded. The author pays special attention to the assessment of the role of Russian diplomacy in Schuster's resignation – it was Russia's position that caused the Briton's early departure from Iran. Schuster's actions were able to weaken Russia's position in the region, changing the geopolitical balance of power.

Keywords: *M. Shuster, Iran, «The Great Game», diplomacy, spheres of Influence, Anglo-Russian Convention of 1907, majlis, Constitutional Revolution of Iran.*

В апреле 1911 г. в Тегеран во главе группы экспертов прибыл американский юрист и финансист Уильям Морган Шустер. Целью его миссии было восстановление финансовой системы Ирана по поручению иранского парламента (меджлиса). Страна менее чем два года назад пережила гражданскую войну, революцию и свержение шаха, что подорвало и без того скудные финансы Ирана и побудило парламент пригласить иностранца на пост генерального казначея. Шустер уже имел опыт кризисного управляющего, однако его миссия осложнялась тем, что Иран в указанный период фактически являлся полуколонией России и Англии, частью так называемой «Большой игры» – глобального англо-русского соперничества, что нельзя было не учитывать при проведении сколь-либо существенных преобразований в Иране. Позиция России, поначалу сдержанная по отношению к Шустеру, в скором времени сменилась на негативную. В итоге именно действия российской дипломатии, с которыми в силу определенных обстоятельств согласилась британская сторона, привели к сворачиванию миссии Шустера, а сами действия американского финансиста в исторической перспективе привели к наступлению крайне значимых для истории Ирана последствий.

В российской историографии миссия Шустера традиционно изучается в общем контексте «Большой игры», не уделяя ей отдельного внимания. При этом в основе оценки деятельности Шустера на сегодняшний день, на наш взгляд, по-прежнему лежат сформировавшиеся еще в советской историографии представления об антироссийской направленности миссии и ангажированности Шустера со стороны германской [10, с. 23] или американской [1, с. 28] агентуры. Подобные представления «кочуют» из одной статьи в другую [8, с. 193]. Иранская историография также сомневается в самостоятельности и объективности действий Шустера и, в силу политического антагонизма с США и Израилем, рассматривает его миссию в Иране в контексте складывания системы американских интересов на Ближнем Востоке и интересов еврейских финансовых кругов [12, с. 4]. Наконец, в западной историографии имя Шустера не принято ассоциировать с интересами каких-либо государств и сообществ, а его миссия чаще всего рассматривается как пример тщетности усилий по проведению независимой политики в условиях анархии, слабости центральной власти и господства в конкретной стране интересов конкурирующих между собой мировых держав. С учетом перечисленных подходов и характеристик попытаемся объективно оценить, какую роль сыграл Морган Шустер в событиях в Иране в 1911 г., какие последствия имела его миссия, чьи интересы он преследовал и насколько его действия действительно были опасны для российских интересов в регионе.

Финансы Ирана к моменту приезда Шустера в Тегеран находились в тяжелом состоянии. Виной тому была коррупция, расточительность придворных и правителей,

поощряемая Россией и Англией – важнейшими геополитическими игроками на Ближнем Востоке к началу XX в. Иран являлся ценным рынком сырья и сбыта, привлекательным для развивавшихся экономик России и Англии. Не меньшую значимость страна имела в геополитическом контексте: гегемония в Иране предоставляла Петербургу контроль над всем Каспийским регионом и шансы выйти к южным морям, а Лондону – возможность управлять морской торговлей по всей Южной Азии и стратегическое спокойствие за свои интересы в Индии.

Ключом к господству в Иране для обеих держав была коррумпированность иранского двора и лично шаха, который активно брал займы у России и Англии, взамен предоставляя им концессии на природные ресурсы страны. К концу XIX в. в руках иностранцев оказались табачная, горнорудная, железнодорожная отрасли, в стране действовали представительства российских и британских банков, а доходы с таможен Ирана поступали в бюджеты России и Англии в счет оплаты по займам. Так вопрос улучшения государственных финансов стал для Ирана вопросом сохранения национального суверенитета.

Всю вторую половину XIX в. Россия и Англия провели в соперничестве за господство в Иране. К началу XX в. между ними установился некоторый паритет, на что повлияло появление нового активного геополитического игрока – Германии, нацелившейся на передел сложившихся в мире сфер влияния. Перед лицом германской угрозы российская и британская дипломатии пошли на сближение и попытались урегулировать спорные вопросы, мешавшие намечавшемуся альянсу. К тому же в Иране началось националистическое движение, грозившее изменить отношения между шахским правительством и иностранными державами и приведшее в 1907 г. к принятию конституции и учреждению парламента. В этом контексте 31 августа 1907 г. было подписано англо-русское соглашение, разделившее Иран на сферы влияния: север остался за Россией, юго-восток за Англией, между ними – нейтральная зона. По этому соглашению державы обязались не нарушать паритета и не искать усиления своих позиций в ущерб оппоненту [7, с. 214]. Российский министр иностранных дел А. П. Извольский так высказался по поводу позиции России о разграничении в Иране: «Общий принцип России будет заключаться в том, чтобы воздерживаться от всякого рода вмешательства во внутренние дела других стран до тех пор, пока не будет сделано ничего вредного для ее интересов; и совершенно невозможно, чтобы она отступила от этого принципа в данном случае» [5, с. 89].

Соглашение в Иране позволило России и Англии переключиться на проблемы европейской политики, но ослабление их контроля над ситуацией внутри страны, а также возмущение значительной части иранцев полукOLONиальным положением своей родины, повлекли за собой цепь неконтролируемых событий, важным участником которых стал Морган Шустер.

В июле 1909 г. в ходе революционных событий шах Мухаммед Али был свернут сторонниками конституции. Россия и Англия, первоначально противившиеся смене власти в Тегеране, в итоге признали власть конституционалистов и меджлис. Парламент оказался не способен решить проблемы дороговизны и нехватки хлеба, а главным вопросом, стоявшим перед депутатами и правительством, стал поиск способов покрытия огромного дефицита бюджета. Как вспоминал Шустер, «Вся нация находилась в ужасном состоянии беспорядка, худшей чертой которого были финансовый хаос и огромная внешняя задолженность» [14, с. 55].

Не имея альтернатив, меджлис начал переговоры с Россией и Англией о новом займе. Опыт предыдущих займов неизменно лишь усугублял положение Ирана ввиду коррумпированности правительства и очередных уступок державе-кредитору части национального достояния в счет платы по займу. Однако в этот раз цена неплатежеспособности Ирана по новому займу могла стать особенно высокой, учитывая, в первую очередь, нескрываемую неприязнь России к установившейся

власти конституционалистов. Российская сторона подозревала, что за спинами лидеров конституционного движения стояли Англия или Германия, угрожавшие российским интересам в Иране [6, с. 124].

Чтобы обеспечить рациональное расходование денег, меджлис решил пригласить иностранных советников. Их национальная принадлежность была принципиальным вопросом: приглашение советников из Англии или России неизбежно нарушило бы паритет между ними, а германским экспертам воспротивились бы обе державы. В итоге, после обсуждения возможности приглашения бельгийцев, итальянцев или шведов, депутаты меджлиса приняли решение пригласить представителей нейтральной державы – американцев.

Российская дипломатия первоначально настороженно восприняла информацию о намерениях меджлиса: исполнявший обязанности министра иностранных дел А. А. Нератов считал, что самостоятельные действия персидского правительства по привлечению на службу подданных другой державы без согласования с Россией следует считать опасным прецедентом [5, с. 99]. Однако после совместного обсуждения российские и британские дипломаты сошлись во мнении, что США не имеют политических интересов в Иране, и решили не препятствовать приглашению американских экспертов [6, с. 482].

25 декабря 1910 г. иранский поверенный в делах в Вашингтоне официально просил госсекретаря США Ф. Нокса подыскать экспертов для иранского казначейства. Нокс проконсультировался с посланниками России и Англии, демонстрируя отсутствие американских интересов в Иране, протестов не последовало [11, с. 242]. В итоге госсекретарь США порекомендовал Тегерану Моргану Шустера – бывшего чиновника американской колониальной администрации на Кубе (1899-1901) и на Филиппинах (1906-1909). Шустер имел репутацию опытного финансиста, но его жесткий и бескомпромиссный характер нередко приводил к конфликтам с коллегами и начальством [2, с. 155]. 2 февраля 1911 г. меджлис одобрил кандидатуры экспертов, и в мае 1911 г. Шустер, новый генеральный казначей Ирана, вместе с командой экспертов (Ф. Кэрнсом, Б. Дикки, Р. Хиллом и Ч. Маккески) по трехлетнему контракту прибыл в Персию.

В воспоминаниях Шустера писал, что в первые дни пребывания в Тегеране многие влиятельные иранцы и иностранцы при встрече предупреждали его об интригах, которые свойственны государственным делам Ирана [14, с. 65]. Уже скоро генеральный казначей столкнулся с ними.

Шустер получил от меджлиса исключительные полномочия в сфере финансов и принялся за наведение порядка в делах казны с энергией и принципиальностью, как привык на Кубе и Филиппинах. Однако его стремление ограничить самовластие крупных чиновников и землевладельцев вызвало недовольство многих местных придворных, а демонстративная беспристрастность и самостоятельность (так, Шустер воздержался от посещения российской и британской миссий после прибытия в страну, несмотря на поступающие приглашения, такое поведение было нетипичным для иностранцев, приезжавших в Иран и неизменно искавших себе покровителей среди представителей держав) раздражали российскую дипломатию. Нератов отмечал, что «американские советники взяли в Персии все дела, а это, несомненно, опасно» [6, с. 485]. При этом первоначальный доброжелательный нейтралитет Британии по отношению к Шустеру представлялся России формой негласной поддержки последнего. Недовольство России подкреплялось и более мелкими фактами: тем, что правительство во главе с крупным землевладельцем Сепехдаром обратилось за займом к Англии, а не к России, а также тем, что регент Ирана (шаху Султану Ахмаду было лишь 13 лет) Насер оль-Мульк был однокурсником британского министра иностранных дел Э. Грэя по Оксфордскому университету [14, с. 52].

Первой мерой Шустера на новом посту стало упорядочение финансовой системы. 13 июня 1911 г. меджлис принял предложенный им законопроект о передаче

всех финансовых вопросов в государстве в руки генерального казначея. В этой ситуации Шустер столкнулся с первым случаем открытого противодействия своим инициативам, связанным с начальником иранских таможен бельгийцем Морнар, который до приглашения американцев рассчитывал занять пост генерального казначея [14, с. 68]. Доход с части иранских таможен шел в уплату долгов Тегерана перед Россией, поэтому Морнар имел тесные связи с российской дипломатией. В целом большинство иранских чиновников, в том числе иностранцев, были ставленниками либо держав, либо местных политических кругов, этот статус гарантировал им их посты [14, с. 69]. Еще до приезда Шустера Морнар подготовил для рассмотрения в меджлисе законопроект, передававший контроль за расходованием взятых в долг у Англии 1,25 млн фунтов стерлингов в руки комиссии во главе с самим собой. Принятие такого закона делало генерального казначея подчиненным Морнара и лишало возможности влиять на расходование денег. Однако Шустер добился принципиальных изменений в этом законопроекте: после его доклада текст был переписан, и контроль за заемными средствами был передан в руки генерального казначея [11, с. 244].

В июне 1911 г. Шустер представил в меджлис проект бюджета Ирана. До его составления, по данным Шустера, государственного бюджета как такового в Иране не было, каждое ведомство распоряжалось казенными деньгами по своему усмотрению, а вопрос выделения государственных средств решался в ходе личных визитов к министру финансов [14, с. 70]. Для сокращения дефицита в 400 тысяч долларов по инициативе Шустера всем банкам страны было сообщено требование, чтобы никакие чеки и платежные поручения не обналичивались без подписи генерального казначея. Это вызвало бурную реакцию иностранных представительств, оскорбленных тем, что отныне все выплаты из иранской казны согласуются с казначеем и могут быть им заблокированы. Протесты заявили германское, французское и итальянское посольства. Российское представительство, по данным Шустера, высказало наибольшее негодование, увидев в этой инициативе Шустера угрозу своим финансовым интересам: российский посланник в Тегеране С. Поклевский-Козелл заявил, что контроль со стороны американского казначея над выплатами по иранским долгам перед Россией, проводимыми через таможи, недопустим, в случае необходимости Россия готова занять таможи северного Ирана и передать их под контроль российских чиновников [14, с. 70]. Начальник таможен Морнар также отказался перечислять все доходы от таможен в казну, как того требовал утвержденный проект бюджета. Тогда Шустер приказал Шахиншахскому банку больше не принимать чеки Морнара, а правительство приняло резолюцию с требованием к Морнару подчиниться. Поддерживавшие бельгийца российские дипломаты обвинили Шустера в том, что он ищет дешевой популярности у националистов. Тем не менее, в середине июля 1911 г. бельгийские таможенники были вынуждены согласиться с новым порядком [8, с. 194].

Одновременно Шустер попытался сократить все нецелевые расходы казны, пользуясь тем, что фактически единолично контролировал государственные расходы. Это вызвало ненависть многих придворных, привыкших распоряжаться государственными деньгами по своему усмотрению, и оттолкнуло от казначея до того симпатизировавшего ему главу правительства Сепехдара. Шустер отказал Сепехдару в выделении дополнительного финансирования для армии, что вызвало с его стороны личную обиду. Когда меджлис встал на сторону казначея, Сепехдар демонстративно покинул Тегеран и удалился на север, а отношения между парламентом и правительством обострились.

Второй важной мерой Шустера по налаживанию иранских финансов стало учреждение казначейской жандармерии. Для обеспечения охраны караванов, доставлявших собранные налоги в Тегеран, Шустер получил согласие меджлиса на создание при казначействе специальных жандармских отрядов. К этой инициативе

Россия и Англия отнеслись в целом одобрительно, однако предложенная Шустером кандидатура на должность шефа жандармов вызвала жаркие споры. Казначей поручил командование жандармами британскому военному атташе майору Ч. Стоуксу, официально служившему в индийской армии.

10 июля 1911 г. заместитель министра иностранных дел Нератов высказал пожелание английскому послу в Петербурге Дж. Бьюкенену, чтобы командование жандармерией было поручено офицеру, представляющему второстепенную державу, а не Англию, или же убедить Шустера организовать двойное командование – из русского и британского офицеров [3, с. 274]. К тому же полномочия Стоукса, по замыслу Шустера, должны были распространяться на всю территорию Ирана, а Россия не могла позволить командовать вооруженными отрядами на севере страны, в зоне своего влияния, британскому офицеру. Характерно, что в Лондоне к кандидатуре Стоукса также отнеслись неоднозначно. «С русской точки зрения выбор майора Стоукса в высшей степени неудачен, поскольку он настроен фанатично антирусски, – заявил заместитель министра иностранных дел Норман. – С другой стороны, с общей точки зрения это назначение удачно» [6, с. 500]. В условиях международной напряженности в Европе для британской дипломатии были принципиально важны достигнутые соглашения с Россией и паритет держав в Иране, поэтому опасения сорвать эти договоренности возобладали. 8 августа 1911 г. британский посланник в Тегеране Дж. Баркли предупредил Шустера, что он может настаивать на кандидатуре Стоукса, но только если его деятельность не распространится на русскую зону влияния [6, с. 502]. В адрес иранского правительства Лондон направил депешу, в которой говорилось: «если персидское правительство будет упорствовать, Правительство Его Величества признает право России на такие шаги, которые она посчитает необходимыми для защиты своих интересов в Северной Персии» [14, с. 72]. Окончательно британцы отвергли кандидатуру Стоукса после сообщения одного из директоров Англо-Персидской нефтяной компании, который рассказал, что майор имел связи с крайними националистами и был настроен столь же антибритански, как и антирусски [8, с. 82].

Баркли предложил Шустеру назначить вместо англичанина шведа. Однако американец отказался, заявив, что только Стоукс способен справиться с задачей формирования жандармских отрядов. В случае дальнейшего давления Шустер грозил уйти в отставку. Не имея рычагов воздействия на казначея, британский министр иностранных дел Э. Грей связался с Нератовым и подчеркнул, что не хочет ухудшения отношений между державами по такому поводу, как вопрос Стоукса. При этом он прямо заявил, что единственным доступным для Лондона способом помешать назначению Стоукса остается затягивание принятия его прошения об отставке из индийской армии: не уйдя со службы, он не мог принять новое назначение [4, с. 68].

Русская дипломатия в этой ситуации изменила тактику и усилила давление на «работодателя» Шустера – иранское правительство. 19 августа 1911 г. Поклевский-Козелл передал главе правительства ноту с протестом против назначения Стоукса, обозначив право России «принять необходимые меры для защиты своих интересов в Северной Персии» [8, с. 194]. Меджлис увидел в этой ноте угрозу русской интервенции и дал указание Шустеру пойти на переговоры. Казначей был вынужден уступить и предложить Поклевскому следующий вариант: срок полномочий Стоукса должен был быть ограничен девятью месяцами, по истечении которых он подлежал переводу в Шираз. В ходе следующего визита в русскую миссию Шустер просил русское правительство, в качестве жеста великодушия, разрешить пребывание Стоукса в Тегеране в течение девяти месяцев, однако Николай II на полях телеграммы Поклевского по поводу этой просьбы написал: «Не согласен» [6, с. 508]. Некоторое время переговоры еще продолжались, но, в сущности, вопрос о назначении Стоукса был окончательно заблокирован Россией.

Наконец, третьей инициативой Шустера, в конечном счете приведшей его к

отставке, а Иран – на грань катастрофы, стала его принципиальная позиция в деле ареста имущества брата бывшего шаха Шоа ос-Салтане.

Летом 1911 г. Мухаммед Али попытался вернуть престол. После свержения он жил в Одессе под надзором российской полиции с обязательством не возвращаться в Иран. Отношение России к реставрации Мухаммеда Али остается неясным. По мнению Ф. Казем-Заде, русская дипломатия видела иранскую революцию как английский заговор, направленный на вытеснение России из Ирана, поэтому восстановление на троне русофила Мухаммеда Али и ликвидация националистического меджлиса могли укрепить русские позиции в регионе [6, с. 512]. При этом открытой поддержки бывшему шаху Россия не оказала, это противоречило бы соглашениям с Англией, тем не менее, 17 июля 1911 г. Мухаммед Али с группой сторонников вернулся на родину на борту российского судна «Христофор». Российская сторона объясняла этот факт тем, что бывший шах имел при себе фальшивый паспорт, а оружие по документам значилось как минеральная вода, что якобы позволило обмануть пограничников [2, с. 162]. Шустер в этих объяснениях сомневался, по его данным, основанным на показаниях одного из плененных генералов шаха, Мухаммед Али встречался в Вене с бывшим посланником России в Тегеране Гартвигом. На просьбу о помощи Гартвиг ответил: «Россия и Англия заключили соглашение в отношении Персии. С другой стороны, если мы ничего не можем сделать для вас, мы также ничего не сделаем и против вас. Мы не можем помочь вам, и если вы потерпите неудачу, мы не несем ответственности» [14, с. 74]. После публикации этих данных в лондонской «Таймс» Россия официально отвергла факт подобной встречи, в российской и советской историографии о ней также ничего не упоминается. В доказательство осведомленности России о планах бывшего шаха Шустер приводит сведения о том, что за десять дней до возвращения Мухаммеда Али на иранскую землю российский посланник Поклевский на званом обеде в Тегеране заявил, что через несколько недель конституционное правительство прекратит свое существование [14, с. 73]. В случае своей правдивости эти данные противоречат официальной позиции России, высказанной в совместной с британцами ноте иранскому правительству 31 июля 1911 г.: «Видя, что бывший шах, вопреки советам, даваемым ему правительствами Англии и России, высадился в Персии, правительства объявляют, что в конфликт, который, к несчастью, возник в Персии, они никоим образом вмешиваться не будут» [2, с. 187].

Через несколько дней после прибытия бывшего шаха в Иран его брат Шоа ос-Салтане во главе отрядов туркменских племен двинулся на Тегеран. Меджлис начал готовить столицу к обороне. 5 и 11 сентября 1911 г. в боях под Верамином и Сабаткухом войска бывшего шаха были разбиты отрядами правительственного генерала Ефрема Давидянца. Реставрация провалилась, Мухаммед Али бежал в Европу.

4 октября 1911 г. меджлис поручил Шустеру конфисковать собственность Шоа ос-Салтане. Однако в особняке Шоа ос-Салтане в Тегеране жандармов казначейства встретили русские казаки, а Поклевский сообщил меджлису: Шоа ос-Салтане является русским подданным, его особняк заложен в русском Учетно-ссудном банке, поэтому, если персидское правительство его конфискует, оно возьмет на себя долги владельца перед Россией (по мнению западных историков, документ был подложным) [6, с. 482]. Однако 9 октября 1911 г. жандармы Шустера заняли дом Шоа ос-Салтане. В ответ по приказу русского генерального консула И.Ф. Похитонова несколько казаков выдворили жандармов из особняка. Шустер заявил протест русскому посланнику и вновь дал приказ захватить дом Шоа ос-Салтане. Последовало несколько стычек между казаками и жандармами Шустера, вылившихся в итоге в дипломатический скандал.

Ошибка Шустера состояла в том, что он пытался вести самостоятельную политику в несамостоятельном стане. Сам Шустер обозначал свою позицию так: «Я не могу... признать существование в Персии иностранных сфер влияния – то, что

персидское правительство официально отказывалось делать и фактически запрещало мне делать не один раз» [14, с. 75]. Такая позиция сделала его отставку неизбежной.

Россия потребовала извинений за ситуацию с домом Шоа ос-Салтане и начала консультации с Британией по поводу удаления Шустера из страны. Стороны договорились о совместных действиях по выдворению казначея: англичане согласились с русским мнением, что Шустер зашел слишком далеко и мог стать причиной серьезного разлада между державами [6, с. 520]. Это стало очевидно, когда, не сделав выводов из истории с майором Стоуксом, Шустер в одностороннем порядке назначил на должность финансового инспектора Тебриза, центра зоны российского влияния на севере Ирана, британского подданного Лекоффра. Лондонская «Таймс» по этому поводу опубликовала статью, в которой обвинила Шустера в связях с иранскими националистами [8, с. 195].

Реакция России на назначение Лекоффра была гневной: Нератов через Поклевского потребовал у иранского правительства отозвать Лекоффра, в случае отказа Россия обещала «принять любые меры, которые сочтет необходимыми для защиты своих интересов на севере Персии, вплоть до военной экспедиции» [9, с. 153]. Британский посланник Баркли, в свою очередь, 6 ноября 1911 г. в беседе с Шустером отметил, что «английское правительство рассматривает любое назначение, которое могло бы вызвать протест России, противоречащим духу своего соглашения с Россией» [11, с. 245]. Промедление с ответом на требования было воспринято как оскорбление, и 8 ноября Петербург разорвал дипломатические отношения с Тегераном. 11 ноября 1911 г. правительству Ирана был вручен русский ультиматум. Россия требовала отозвать жандармов Шустера из имения Шоа ос-Салтане, принести извинения работникам русского консульства и отозвать Лекоффра. В политических реалиях Тегерана надеяться на скорый и положительный ответ меджлиса не приходилось, поэтому Нератов на случай отказа дал указание готовиться к использованию силы [6, с. 522].

Британский премьер-министр Э. Грэй, по данным Шустера, заверил иранское правительство, что если Тегеран официально извинится перед Россией, то русские войска, которые уже вступили в Иран, будут выведены [14, с. 82]. На основании итого заверения глава иранского правительства Самсам ос-Салтане официально принес извинения России и приказал Шустеру вывести жандармов из дома Шоа ос-Салтане. Однако казначей вновь проявил своеобразие и заявил, что поскольку изначальный приказ об изъятии имущества Шоа ос-Салтане был подписан всеми министрами, то и постановление о его отмене также должны подписать все члены кабинета. Министры разошлись во мнениях, и, пытаясь выиграть время, правительство подало в отставку, не дав ответа на русский ультиматум. Восприняв этот шаг как уклонение от русских требований, 16 ноября 1911 г. глава совета министров России В. Н. Коковцов дал поручение направить 4 тыс. солдат в Иран. Когда русские войска уже двигались из Энзели в Решт, министр иностранных дел Персии Восуг од-Дойлы принес официальные извинения России за действия Шустера и принял ультиматум.

Мотивы дальнейших действий России в историографии описаны противоречиво. 29 ноября 1911 г. секретарь русской миссии вручил иранскому правительству второй ультиматум с требованиями в течение 48 часов уволить Шустера и Лекоффра, обязаться не приглашать иностранных советников без предварительного согласия российского и британского представительств, а также возместить России расходы на проведенную военную экспедицию [13, с. 147]. Как указывает А. А. Шевель, новый ультиматум стал неожиданностью как для Тегерана, так и для Лондона [8, с. 194]. Почему Россия не остановила продвижение своих войск на севере Ирана после удовлетворения первого ультиматума? Очевидно, что даже уязвленная действиями Шустера гордость великой державы не могла стать веской причиной для фактического нарушения положений соглашения с британцами 1907 г.

Официальным мотивом ввода русских войск стала защита жизни и имущества

российских подданных в Иране. Однако этот мотив не воспринимается всерьез ни в российской, ни в зарубежной историографии. Отечественные исследователи традиционно объясняют действия России стремлением защитить свои интересы в Иране от якобы растущих претензий Англии (как уже отмечалось, фигура Шустера в этом контексте оценивалась как лоббирующая интересы Англии или даже Германии) [9, с. 399]. Зарубежная историография указывает на стремление России гарантировать свое влияние в Иране в условиях, когда Европа готовилась к войне, а Ближний Восток мог стать одним из театров боевых действий. Для этого следовало усмирить своенравие межджиса и обеспечить спокойствие на южных границах империи [6, с. 525]. Наконец, сам Шустер в своих воспоминаниях выдвигал версию, что Россия, вводя войска в Иран, стремилась расширить зону своего влияния после заключения Потсдамского соглашения с Германией в 1910 г.: поддержка Германии позволяла России не опасаться ответных мер со стороны Англии [14, с. 89].

По мнению Ф. Казем-Заде, Лондон рассчитывал, что принятие Тегераном второго ультиматума России остановит продвижение русских войск, поскольку занятие ими Тегерана неизбежно обострило бы англо-русские отношения. В итоге британцы также рекомендовали Тегерану принять требования России, и иранский кабинет оказался в безвыходном положении. 1 декабря 1911 г. правительство Ирана призвало межджис принять ультиматум России. Однако депутаты после бурного и долгого обсуждения и открытого голосования отклонили условия России как унижающие достоинство страны. Русские войска продолжили движение на Казвин, а в Тегеране и в главных городах провинций начались антирусские демонстрации. Правящая коалиция в межджисе распалась, в итоге перед лицом вступления русских войск в Тегеран 20 декабря 1911 г. правительственные отряды и полицейские Ефрема Давидянца распустили межджис. Правительство известило русского посланника Поклевского о принятии ультиматума России. После разгона парламента Иран официально пообещал все свои действия согласовывать с Россией и Англией. Морган Шустер официально был отправлен в отставку, и уже через несколько дней навсегда покинул Иран.

Так бесславно миссия Шустера в Иран была завершена. Шустеру не удалось добиться тех амбициозных целей, которые он ставил перед собой, более того, его деятельность фактически стала поводом для ввода русских войск в Иран. Главной причиной этой неудачи стало стремление Шустера проводить независимую политику, не считаясь с мнением России и Англии и политическими реалиями. По данным самого Шустера, британский премьер Э. Грэй в своем письме обвинил его в том, что он пытался «повернуть время вспять» в Иране [14, с. 73].

Определяющую роль в отставке Шустера, несомненно, сыграла Россия. Чем объяснить неприязнь российской стороны к американскому казначею? Действия Шустера противоречили российским интересам в Иране, а осуществление его планов, а именно создание эффективной финансовой системы, рост национального благосостояния Ирана, могли привести к ослаблению влияния России в регионе, ее место могла занять другая мировая держава. Однако можно ли считать политику Шустера антирусской, как считают некоторые исследователи? На наш взгляд, нет, так как намеренных действий в ущерб исключительно российским интересам американец не предпринимал. Обвинения в продвижении интересов Англии или Германии в Иране также представляются несостоятельными. Британская дипломатия ничем не проявила своих симпатий к Шустеру, сам он регулярно критиковал Англию, к примеру, за переменчивую позицию в отношении назначения майора Стоукса, обвинив Лондон в том, что он «не только отступил от первоначального соглашения, но и объединился с другим иностранным правительством в хладнокровной попытке запугать персидское правительство при осуществлении им своих элементарных суверенных прав» [14, с. 68].

Иными словами, если признавать действия Шустера антирусскими, то в той

же мере они были и антибританскими. Его попытки вести независимую политику в интересах своего работодателя – правительства Ирана – в итоге привели к иностранной интервенции, утрате Ираном национальной самостоятельности и превращению в русско-английский кондоминиум. Насколько оправданными можно считать действия России? С одной стороны, в дипломатии та или иная политика может быть либо нравственной, либо успешной, с другой – изгнание американского казначея из Тегерана и унижение Ирана в исторической перспективе не принесли России значимых выгод.

Список источников и литературы

1. Абдуллаев З. З. *Начало экспансии США в Иране*. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 97 с.
2. Берар В. *Персия и персидская смута*. СПб: Брокгауз-Ефрон, 1912. XII, 300 с.
3. Бьюкенен Дж. *Моя миссия в России: воспоминания англ. дипломата, 1910-1918*. М.: Центрполиграф, 2006. 398 с.
4. Звавич А. И. *Англо-русские противоречия в Иране накануне Первой мировой войны*. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 144 с.
5. Извольский А. П. *Воспоминания*. Петроград; М.: Петроград, 1924. 191 с.
6. Казем-Заде Ф. *Борьба за влияние в Персии: дипломатическое противостояние России и Англии*. М.: Центрполиграф, 2004. 542 с.
7. *Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917*. М.: Госполитиздат, 1952. 470 с.
8. Шевель А. А. *Англо-русское сотрудничество и соперничество в Персии в 1905-1914 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 190-195.*
9. Широкопад А. Б. *Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907*. М: АСТ, 2003. 512 с.
10. Шишов А. В. *Персидский фронт (1909-1918): незаслуженно забытые победы*. М.: Вече, 2010. 349 с.
11. Abrahamian E. *Iran between two revolutions*. NJ, Princeton: Princeton University Press, 1982. 580 p.
12. Behgar H. *A review of the book "Inspection of the relations between Iran and America 1851–1925"*. Tehran, 2001. 112 p.
13. Kamrava M. *The political history of modern Iran: from tribalism to theocracy*. Westport, Conn.: Praeger, 1992. 200 p.
14. Shuster W. M. *The strangling of Persia. A record of European diplomacy and oriental intrigue*. London: T.F. Unwin, 1912. 370 p.

References

1. Abdullayev Z. Z. *Nachalo ekspansii SSHA v Irane [The beginning of US expansion in Iran]*. Moscow: Izd-vo vost. lit. publ, 1963. 97 p. [In Russian].
2. Bérard V. *Persiya i persidskaya smuta [Révolutions de la Perse : les provinces, les peuples et le gouvernement du roi des rois]*. SPb: Brokgauz-Yefron publ, 1912. XII, 300 p. [In Russian].
3. Buchanan G. *Moya missiya v Rossii: vospominaniya angl. diplomata, 1910-1918 [My mission to Russia and other diplomatic memories]*. Moscow: Tsentrpoligraf publ, 2006. 398 p. [In Russian].
4. Zvavich A. I. *Anglo-russkiye protivorechiya v Irane nakanune Pervoy mirovoy voyny [Anglo-Russian contradictions in Iran on the eve of the First World War]*. Moscow: Izd-vo AN SSSR publ, 1960. 144 p. [In Russian].

5. Izvol'skiy A. P. *Vospominaniya [Memoirs]*. Petrograd; Moscow: Petrograd publ, 1924. 191p. [In Russian].
6. Kazemzadeh F. *Bor'ba za vliyaniye v Persii: diplomaticheskoye protivosto-yaniye Rossii i Anglii [Russia and Britain in Persia, 1864-1914: A Study in Imperialism]*. Moscow: Tsentrpoligraf publ, 2004. 542 p. [In Russian].
7. *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856-1917 [Collection of treaties of Russia with other states. 1856-1917]*. Moscow: Gospolitizdat publ, 1952. 470 p. [In Russian].
8. Shevel' A. A. Anglo-russkoye sotrudnichestvo i sopernichestvo v Persii v 1905-1914 gg [Anglo-Russian cooperation and rivalry in Persia in 1905-1914]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. No. 2. Pp. 190-195. [In Russian].
9. Shirokorad A. B. Rossiya – Angliya: neizvestnaya vojna, 1857–1907 [Russia – England: Unknown War, 1857–1907]. Moscow: ACT publ, 2003. 512 p. In Russian
10. Shishov A. V. Persidskiy front (1909-1918): nezasluzhenno zabytyye pobedy [Persian Front (1909-1918): undeservedly forgotten victories]. Moscow: Veche publ, 2010. 349 p. [In Russian].
11. Abrahamian E. Iran between two revolutions. NJ, Princeton: Princeton University Press, 1982. 580 p.
12. Behgar H. A review of the book "Inspection of the relations between Iran and America 1851–1925". Tehran, 2001. 112 p.
13. Kamrava M. The political history of modern Iran: from tribalism to theocracy. Westport, Conn.: Praeger, 1992. 200 p.
14. Shuster W. M. The strangling of Persia. A record of European diplomacy and oriental intrigue. London: T.F. Unwin, 1912. 370 p.

Сведения об авторе

Макутчев Александр Валерьевич –
кандидат исторических наук, доцент
кафедры правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: mackutcheve@mail.ru).

Information about the Author

Mackutchev Alexander Valeryevich,
candidate of historical Sciences, Associate
Professor of the Department of legal
disciplines of the Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University
(e-mail: mackutcheve@mail.ru).